Елена Сомова

МИР НАЧИНАЛСЯ САЛЮТОМ

рассказы

Елена Сомова

Мир начинался салютом

«Автор»
2026

Сомова Е.

Мир начинался салютом / Е. Сомова — «Автор», 2026

Елена Сомова. «Мир начинался салютом» - это самая пёстрая и самая личная книга: сборник рассказов 2022–2024 годов, стихи осени 2024-го и — неожиданно — большая автобиографическая проза, которая занимает почти треть объёма и оказывается его эмоциональным центром Со страниц книги можно понять, как устроен авторский мир: через сатиру, сказку, антиутопию — и через прямое свидетельство о собственной жизни.Здесь много боли и размаха, но лучше там, где Сомова переходит от обличения к образу. В рассказах этот приём доводится до гротеска. «Мир начинался салютом» так устроена: сатира, исповедь, сатира, а залп складывается, когда читаешь подряд и видишь, что все три отсека заряжены одним порохом — опытом выживания и верности слову. Читать стоит тем, кто интересуется не «гладкой», а живой, местами злой и местами светящейся прозой о человеке, который остаётся человеком среди литературных и жизненных «айсбергов».

© Сомова Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Сомова
Мир начинался салютом

Елена Сомова
Мир начинался салютом Сборник рассказов
ЛитРес
2026
УДК 82-3
ББК 84-4
С61
Сомова Елена
С61 Мир начинался салютом : Сборник рассказов / Елена Сомова. — [б. м.] : Издательские решения, 2024. — 182 с. ISBN 978-5-0064-7282-2

Это самая пёстрая и самая личная книга: сборник рассказов 2022–2026 годов,— большая автобиографическая проза оказывается эмоциональным центром. По страницам этой книги можно понять, как устроен авторский мир: через сатиру, сказку, антиутопию — и через прямое свидетельство о собственной жизни. В книге «Мир начинался салютом» —- рассказы, сатира, исповедь — опыт выживания и верности слову. Книга для тех, кто интересуется не «гладкой», а живой, местами злой и местами светящейся прозой о человеке, который остаётся человеком среди литературных и жизненных «айсбергов».

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ © Елена Сомова, 2026 © Владислав Андреевич Макаров, фотографии, 2024 ISBN 978-5-0064-7282-2

Сомова Елена Владимировна

Лауреат литературной премии «Российский писатель» по итогам 2023 года *в* номинации «***Критика***».

Елена Владимировна Сомова (род. 2.08.1966, Горький) — поэт и прозаик (сатира, лирика, антиутопия, социальная философия). Окончила филфак ННГУ им. Лобачевского. Лауреат премии «Российский писатель»-23 (номинация «Критика»), призёр конкурса «Дуэнде Лоркиано»-23 (3-е место). Финалист конкурса им. Д. Симонова «Есть только музыка одна»-21, лонг-лист премии им. Ф. Искандера (2020, 2024). Публиковалась в «Российском писателе», «Клаузуре», «45 параллели», «Топосе», /в альманахах «Причал», «LITERRA», и др. изданиях, в т.ч. в Германии.

Дипломы, кроме вузовского:

Финалист премии в номинации «Поэт года» 2025 — литературная премия «Живое перо поэзии» от Региональной общественной организации «Творчество и потенциал»;

3—е место в Международном русскоязычном поэтическом

конкурсе "Дуэнде Лоркиано" — 2023 в рамках большого многосекционного и мультиязычного конкурса "Парнас" в г. Каникатти (Сицилия).

Финалист конкурса «Есть только музыка одна»—2021,

«Гранатовый браслет»—2022,

«Линия фронта» —2020 и «Новые Амазонки» —2021 — шорт—листы одноименных конкурсов;

Мемориал Терехова «Международное поэтическое содружество» 25.12.2022,

дважды дипломант премии «Серебряный Стрелец»,

номинант конкурса «Лебеди над Челнами»—2024, Поэзия;

— за существенный вклад в литературу и участие в сборнике, посвященном А. П. Чехову «Счастье любить» декабрь 2024.

Публикации:

Публикации:

«Клаузура»— рассказы, эссе,

«Российский писатель» —2023,

«Молодая гвардия» No4/2024,

«Невский альманах» No2 (136)/2024,

журнал "Эмигрантская лира" (Бельгия) — публикация стихов в конкурсном списке 2023 — 2024 г,

«Литературный Иерусалим» No37 (Lit—Web),

«Новая Немига литературная» No6 2023,

«Сетевая словесность», «Текстура» — сказки,

литературная гостиная на «Маяке»,

альманах «Линия фронта» —2020 (Москва, очерк «Фашистский концлагерь Любек» — шорт—лист одноименного конкурса),

сборники женской прозы: «Новые Амазонки» 2021, «Девочка на шаре, или Письма из детства» 2022 г, «Семейное счастье, или Сны о доме» —2025,

«Поэтоград» No17 (274) 2017 г, «Русский Глобус»,

«45 параллель», «Клад», «Муза»,

«Причал» дек.2024 (Ярославль) («Разговор ласточек», «Излучение добра», «Шоколадные дети сумерек», «Импульс жизни»);

«LITERRA» — стихи, дек.2024 («Подарков хватит даже на три века», «Удивительный сон»),

в сборнике посвященном А.Чехову "Счастье любить" декабрь 2024, издательство "Четыре",

В антологии современной авангардной поэзии «Черный чай»; «Гонцы весны» —2025 г;

в книге памяти поэта Ольги Бешенковской «И надломиться над строкой» (стихи и эссе памяти поэта), 2016 г. Германия.

В последнюю неделю августа 1997 года была в Хорватии на совещании европейских поэтов и писателей, результатом поездки стала публикация на английском языке творческого резюме в журнале «Понтес»—97 .

Живет в России, в Нижнем Новгороде. Автор многих книг стихов и прозы, опубликованных в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге «РЕНОМЕ», Ридеро, на ЛитРес.

Столкновения сайсбергами

В спешке земной суеты, теряя в памяти главные запчасти: фрагменты своего малолетнего бытия, люди несправедливо и незаслуженно забывают свои детские годы. Игра всамделишная, которая не делит реальность на две половины, оказывается паролем к жизни.

Эта игра скручивает узелки для напоминания о важном. Людей на земле держит память. Игра же разудало задвигает на дальний план колорит борьбы за власть перед правом самоутверждения. Прямо так и хочется спросить: «Не сдвинула ли я коврик в прихожей, обнажив пол?», находясь если не в предбаннике, то в какомто занюханном погребке, или как это сейчас вежливо именуют, «цоколь».

Включаю телевизор, и вижу интервью с одним графоманищем в удобном кресле предприятия, не имеющего к литературе никакого, даже косвенного отношения, открываю «Литературную газету» и вижу «однополчан» — нижегородцев в таких ракурсах, что падаю мордой в снег — сразу.

Я, значит, «отдыхаю» (в их понимании), скачу во весь опор и сопли внукам подтираю, горю в аду во время их жара, температуры и борьбы с вирусами, а они там — борются. Со мной, с моим творчеством борются на шпагах. Пишу, но у них линзы не просматривают, я вообще прозрачная. В реальность лучше играть и выигрывать, нежели она скрутит за спиной тебе обе руки и заломит их чуть кверху. Причиняя боль, мы придвигаем к себе несчастья, а резонанс ответа будет один: «Сам виноват». Человек везде и всегда сам виноват, даже когда случается землетрясение или лопаются карстовые провалы, промытые подземными водами. Полуденная тьма включает ночной свет, и время для мечтаний готово к полету.

И война страшна, и мир — война. Местные начинают разговор издалека, плавно подтанцовывая его к вопросу книгоиздания и твоей готовности вложить собственную немощь в публикации и своих, а оказывается, больше чужих произведений. Это назад в будущее, когда выход на бал светской дамы стоил 130 рублей, учитывая ее платье с многочисленными подъюбниками и удавочку в виде корсета, чепец кружевной, прическу, экипаж. И этот выход стоил работы 30-ти крепостных крестьян. Выходит, меня держат за крепостную.

Марионетки председательствующего комитета попугайски раскрывают хищные клювы с одним требованием: денег, — взносов, хлеба и зрелищ. И обязательно собрать своими силами аудиторию для своих выступлений. Паши, пиши, плати и собирай. Никому не подтереть ничего? А то вдруг еще силы останутся. Невостребованные. Предварительно обнуленные. Это как скомандовать всему залу заткнуть уши, пока своё родное читается, не от искусственного интеллекта.

Удавочный комитет на трезвую голову давно не думал, если лезет граблями в святая святых: семьи, — снимая сливки с чужого бюджета. Особенно страдают семьи с детьми. Для

бухгалтерии неважно, одет ребенок, раздет, обучен и сыт ли. Важнее поддержать статус творческого союза. Грабительство продолжается по сей день, пока в статью расходов государства литература не входит.

Думать, что грубость — это их сила, и надеяться победить хамством, — абсурд. Хамство их берёт истоки от недоверия и необходимости множественных проверок тебя на их зубы. Пока не перекусят. А после выбросят, доведут до хлама вначале.

Любая обезьяна умнее гиппопотама, так как огромный вес бегемота лишает его подвижности и заставляет много спать, а от этого стареет подкорка и сглаживаются извилины, особенно во время поглощения пищи. Бездвижность ума бегемота сродни тупости обобщений воинствующего клана графоманов, шевелящих мозгом только по великим праздникам с целью поживиться.

Группа поэтов на сцене — это почти речёвка пионерского лагеря в переложении для громкоговорителя и ушезадвигателя, когда пионеры сошлись к центру главенствующей мысли, которую держит ноосфера: «Когда приедут родичи и привезут поесть?».

Встретилось настоящее с будущим, но всем плевать.

С детьми у меня, когда от меня требуется помощь, — настоящая дружба и понимание, не то, что с этими убаюканными своими премиями и наградами: с вениками цветными стоят и лыбятся от уха до уха. Если что, временно посочувствуют, пока рядом стоишь. Букет подержать не дадут. Отойдешь на два метра — плюнут и сделают вид, что тебя и не было. А что они, — веником не поделятся же, если только огреть могут за впечатляющую речь.

Из-за спины в мой адрес раздаются порицательные возгласы больного заики, не долечившегося у психиатра. Он как-то умудрился поучиться в заветном для всех поэтов институте. Представляю, как все терпели его вопли, чтение и речь. Или это он от страха выступать перед зрителями так раззаикался?.. Или чтоб уморить всех. Он отчаянно лезет выступать, не предполагая того, что его заунывное нытье мучительно для слушателей. Может, в его черепе речь, его обличающая, звучит гладко, не так скверно, как ее мы слышим?..

В болельщики себе подкупил большинство голосов своей болезнью и сочувствием. Получается, я здесь нежелательна. Уродливым нытьем этот грубый высокорослый детина вытягивает жилы. Терпение не безгранично, но у этого «всё схвачено, за всё заплачено»: зрители голосуют за него и присвистывают ему. Фикуляли в одеяле всем, кто не согласен с этим мастодонтом. Вся эта история напоминает мне человека, произошедшего от собаки, по-Булгакову. Это не Собакевич с грузной челюстью это… не упадите… режиссер. Сам себя пишет, ставит, и хлопальщиков, и хлюпальщиков нанимает. Собачье сердце сказывается. Удачно ему пересадили…

Мурашки отвращения от его выпадов против меня до сих пор изнуряют. Плохие воспоминания. Зачеркнем. Но снова возникают эти строки, подобно крови на снегу. И тип мерзкий, и его суждения обо мне, неизвестно откуда возникшие, отвратительны. В этом мозгу способна родиться только грязь. Он же выставляет себя чуть ли не светским поэтом, так в 18-м веке мужчины отличались выдержкой, с детства эту выдержку вырабатывали, — был стародавний обычай выгуливать домашнюю черепашку. Этот ни черепашку, ни кого другого не выгуливал, его, видимо, выгуливали. Пересказывать его реплики и угрозы в мой адрес — даже зверски по отношении к себе.

Я сдохла бы там, если бы не сила духа, внушенная мне моим тайным рыцарем и его командой.

Подлянка противоборства, когда ты не вправе встать и высказаться, сильно мучает. А боролся этот уркаган, — именно уркагански звучали его реплики против меня на сцене за моей спиной, — оказывается, за свое выступление в зале библиотеки. Ему нужна была презентация, шум, признание, поэтому он так унижал меня, «загоняя под плинтус».

Вещий Олег за него. С черепом целуется, змеей ужаленный, и мстит неразумным хазарам. Здесь борьба переходит границы. Линия фронта проходит прямо перед носками моих сапог. Здесь бороться только кирзачом по роже. Вот таков он, мир литературы. Упыри только и поджидают, как поковырять твои раны и попить из них крови, свою-то они пропили давно в припивку с водярой и коньячком. Не подарки судьбы такие мухоморы с гнильем за пазухами. В столкновениях с айсбергами проходит жизнь. А я думала, что они всё никак не напьются спиртяги, а они это обеззараживают свой исстрадавшийся в борьбе организм. Воины с бактериями. Печень у них с верблюжью, и пошла метиками. Они красивые в микроскоп с художественным ракурсом взгляда.

Транспорт. Уеду.

Мне пять лет, я иду с родителями по советскому парку с толпой гуляющего народа, папа сердится, что мама выглядит, по его мнению, неряшливо, а у папы из кармана импозантного костюма торчит белейший носовой платок. Мама с трудом сдерживает слезы, мне жалко ее, и я страдаю. Как же можно ругать маму за ветер, случайно растрепавший волосы?.. За троллейбус, в котором нам с мамой досталось местечко у окна, и когда я уселась на коленки к любимой мамочке, то помялось платье, и оказалось, что его гладить было бесполезно. Папа красивый, но злой. Он скрипит зубами и ругает маму за неопрятность. Но он бывает и добрым, когда поест и читает мне книжку с картинками или журналы для детей «Веселые картинки», «Пионер» и наш любимый семейный журнал «Вокруг света». Но мне хочется к маме, чтобы убедиться, что она не плачет. А когда я обнимаю мамочку за шею и убеждаюсь в том, что ей не обидно, что я папу слушаю, а не ее, то папа, бывает, сразу перекладывает обязанность «занять ребенка делом» на маму. Мама полусонным голосом начинает мне читать, а когда ее плавная речь становится медленнее и она засыпает за чтением, папа берёт книгу из ее рук и продолжает читать после того, как уложит спать маму. Утром проснувшись, я осознаю, что уснула на самом интересном, и днем прошу научить меня читать всех домашних.

Как важна эта обезьянья кривлялка и игра в положительность… Надо отличиться красотой, характером, отличной семьей, положением в обществе. Надо стянуть плеточку из допотопных времен и хлопнуть ею по паркету, а лучше сломать ее, как делает во время церемонии сватовства слуга, символически показывая отрицание принужденности в будущей молодой семье, что никто не будет никого насильно заставлять что-нибудь делать.

И эта детскость взгляда пересечет экватор подростковости, и непременно скажется во взрослой жизни, потому что поэт — навсегда ребенок, подросток, трудный и, бывает, невыносимый.

Вчера приходила тетя Надя, веселым тоном спрашивала, как мы живем, и мама показала ей синяк на ноге. Тетя Надя долго не выйдет замуж из-за маминых откровений по поводу семейной жизни и терзающей ее мечты стать артисткой. Тете Наде бывает нужно взаймы для еще одной сестры, но мама ограничена в средствах, и тетя Надя уходит, не расспросив меня, как в садике.

В садике плохо, потому что всегда хочется к маме и бабане, и дети бывают злыми, они едят конфеты и никогда не делятся, но когда конфета у меня — отнимают безоговорочно, если не успею съесть ее. Маме кажется, что конфеты вредны, но в них — витамины счастья, она этого не знает. Все хотят в партию. У меня партийные дедушка, дядя, брат папы, тетя, жена его. А совести ни у кого: прихожу, говорю, займись ребенком, — все говорят, порисуй. А рисунки мама в завод уносит, а дядя Толя — космонавтам передает, лично от меня. Он специально помогал папе научить меня писать своё имя и возраст на рисунках.

Мне семь лет, я первоклассница, и сегодня первое сентября. Папа попросил друга нашей семьи и соседа Александра Константиновича Журавлева сфотографировать меня в школьной форме. Фотограф щелкнул сразу меня радостную, как только я выбежала, с улыбкой, обману-

тую, что приехал дядя Толя, его родной брат, и привез мне подарок. Эта фотография и оказалась самой лучшей, фото надежды.

— Новогодний? — спрашиваю я о подарке гонца, летя на крыльях к запрещенной для первоклассников двери на улицу. Хорошо фотографироваться на улице, в классе — пыточное позирование и так, и эдак, и глаза неправильно, и воротник не поправила.

— Не хочу, я не люблю фотографироваться, — лучше уж в класс, там хотя нет знакомых ребят из детского сада, но не заставляют притворяться, разговаривать и замирать «на минутку». Оказывается на полчаса, а потом еще беседа взрослых друг с другом, и всё: детство пропало зря.

Из всех фотографий была выбрана для печати только эта, где моя непосредственная улыбка выражает радость и держит внимание. На всех других — я грустная девочка Лена, уже не Аленка, просто несчастный ребенок, загнанный погоней жеребенок, знающий, как ругают за провинности.

Пять лет, скучный праздник родственников с россказней о делах житейских. Разговоры за столом заканчиваются моим выниманием из детской сумки пупсика, знакомства пупсика с роднёй и вскоре, моим засыпанием. Все резко оборачиваются на меня и начинают расспрашивать, как зовут «ребенка», кто купил. Я отвечаю «Максимка» или «Петя», все улыбаются и дают нам с пупсиком конфеты.

— Детей не покупают, они рождаются, — выпалила я, и растворилась в стыде, когда взрослым показалось, что я сказала что-то смешное.

Хоть бы скорей наелись и отпустили погулять. Это сокровенное.

Восемь лет. Учусь играть на пианино, а хочу рисовать. Но надо на пианино. В музыкальной школе хорошие педагоги. А моя жизнь в родительском доме ничего не напоминает: просто всегда хочется к бабане, — там всё для меня. Выступления перед учениками и учителями в музыкальной школе — это страшно, — и ладони потные, и убежать хочется, но нельзя, это неблагодарность по отношении к родителям и учителям. Так, в долговываренной в собственном соку благодарности к людям, уходит мое детство и приходит, уже разочарованная в жизни, старческая подростковость. Обезглавленный робот Лена пашет в три обхвата. Учиться в стране советов не надо: здесь и так все ученые, космонавты и атлеты. Сиди только и вникай в то, кто назначен гением, кто недорослью. Дети партийных родителей пользуются всеобщим уважением и почетом, сейчас, в двадцатых годах двадцать первого века — презрением: все знают, откуда Волга берёт начало и откуда у партии золото народа. Отцеживают, где их боятся. Боялись. Теперь презирают и обходят стороной, как грубых и невоспитанно нахапавших побольше и послаще.

17 лет. Мечта о любви и замужестве. Из-за постоянных ангин, устроенных мне от 9 до 12-ти лет — каждый год на Новый год — открытым окном в кабинете музыки, страдаю от невостребованности моей радости в мире. Все радуются своей радости, и всем их радость ближе моей. Но 17 лет — это уже взрослость, а недополученное в детстве счастье бежит за мной и карабкается на плечи крошечным ягненком. У Иосифа Бродского был сурок, и он о нем говорил так: «… И мой сурок всегда со мной…».

А потом любовь была, как перезрелая груша: растеклась и вытекла вся из моего сердца, когда испепелил ее «мой сурок» своей критикой: дома в тепле — неплохие стихи с близостью, а перед людьми — на каждом слове спотыкач, — вот, что делает зависть. Он хотел снова устроить чтение его стихов, а я тут со своими вылезла. Отомстил. Все поэты, независимо от возраста, друг другу — мстители. Друг Иосифа Бродского Евгений Рейн сказал о них в фильме о литинституте и о себе: «Поэты — волки». Собаки поддаются дрессировке, волки — нет. Разрывают сразу всё — и не восстановишь. Всё сердце.

Я восстанавливалась огромными трудами специалистов — педагогов, написавших по три диссертации каждый, и от детства с его концертами, и от критики лучшего друга перед всеми.

Позора не оберешься. Но тогда это издевательство надо мной было началом его говённой карьеры. Надо же: я от него ждала предложения замуж выйти, а этот спекулянт на чувствах делал на мне свою ненавистную мной карьеру. Лучше бы маму с папой и бабушку обняла лишний раз, да деда, чем этого…

Надо отыграться, если мне бросали вызов. Но этот гиббон залез на верхнюю ветку и орехами бросается. Бывает, конечно, ветки ломаются…

Другие
Философско-педагогический этюд

Они фантастически безграмотно объясняют обычные вещи в переложении на свое понимание. Это не продолжение нас, а истребление нас. Мало считать их пришельцами не с нашей планеты, они — грани многомерной истины, движутся по русскому ходу развития. Как им внедрили это жуткое слово «походу», этот чудовищный произвол извращенной речи из русской в сленговую, но пусть хоть так изъясняются, как легче им связать слова, чем будут просто молчать и думать о своем, — глупо искать виноватых в их безграмотности. Их развитие во многом интуитивно: надо же как-то найти варианты сотрудничества и понимания, а это значит, уступить хотя бы каплю им, не отступаясь от своих воззрений.

И тогда самое страшное станет самым смешным: их родители, мы, — просто наша мера покаяния перед Господом, а взаимодействие с ними — тот шар, на котором мы в детстве улетали от назидания старших.

Когда мы поняли, что господа реформаторы страны заигрались в новой чехарде политической игры, то судорожно начали грести к берегу обсушить весла, а детям были просто смешны движения наших весел, так как они видели со стороны наши попытки остаться наплаву, не упасть в яму руин истории.

Нашу обязанность учиться нам внушали как нашу вину, и ставили перед нами задачи и вопросы, а наши дети нам вменяют условия жизни, двигают нас к краю, располагая свои игрушки, подаренные политиками и цивилизацией. Так, мы, разукрашенные их лексиконом, повинуемся их щедрой пропаганде новых путей собственного развития. То есть, не они еще не доросли до определенных моментов своего взросления, а мы «пока дураки». А так как мы — родители, то мы должны формировать речь и мировоззрение наших детей, а не инструменты системы новой педагогики, — учителя под гнетом отчетов, занимающих основу современной педагогики.

А мы не получаем от жизни время на общение с нашими детьми, мы работаем, и вся наша деятельность рядом с нашими отпрысками — это скорее приготовить обед, скорее убрать квартиру и как можно скорее выйти из дома, чтобы добраться до работы без опоздания. И мы отчуждаемся, так как наше с детьми взаимодействие не идет навстречу, а наоборот, отталкивает нас от них. Наша цель — скорее начать свои дела, уделив крохи внимания детям, а их цель — выслушать домашний урок нотаций и преспокойно отправиться делать свои дела, не вспоминая, кто и о чем им только что говорил.

«Какая разница, — думают они, — сделаю я так или иначе, если проверить некому будет, они же всегда на работе». А позже им родители начинают мешать и раздражать своими жалкими попытками навести гармонию и доверие в отношениях. Доверят скорее друзьям, чем близким. Близкие люди в сознании подростка встают наравне с врагами, если «лезут в душу» вопросами. Нужен особый подход и предельное чувство такта, чтобы не задеть самолюбие, выплывающее на поверхность у подростка, давящее своей доминантой. Двигаться по воде, не нарушая положение красок на ее поверхности, рисунка или картину жизни. Если постоянно взбалтывать краски, его картина жизни потеряет четкость, а создавать новую в постоянно движущейся атмосфере нагнетания новых интересов, открывающихся непрерывно в возрасте гор-

мональной перестройки, — сложно, и неизвестно, что принесет эта новая картина, когда ауру постоянно взбалтывают все: от учителей до активных соседей.

Думать, что сделаешь хорошо для своего подростка, поучая и наставляя, и он в будущем будет благодарен, — перспектива зыбкая. Может случиться так, что до его понимания вашего стремления формировать в нём личность, он разрушит вашу жизнь до основания, и вы станете искать опору и падать в обморок от его несоответствия вашим намерениям, и даже полную противоположность вашим воззрениям. И хотя подростковый возраст ребенка — это короткий промежуток в вашей жизни, но он может оказаться формообразующим в дальнейших отношениях на годы, гораздо более длительный отрезок времени, поэтому лучше всего уделить как можно больше своего личного времени подростку, чтобы не черпать позже разочарование и одинокую старость. Но уделив себя полностью ребенку, вы не обязательно получите желаемый результат, как то уважение, почтение и ваша безбедная старость. Дальние страны, длительность обучения наукам и сосредоточенность в учении отнимут у вас ваше чудо природы, а вам важно быть востребованным, если вы всю жизнь отдавали себя.

Так, скоротав жизнь, получаем одинокую старость, хотя бываем даже и в одном квартирном пространстве с нашими потомками. Они далеки от нас даже в их трудных ситуациях, выйдя из которых, они направляются к своим собратьям, друзьям, их родной стихии, коллегам, толпе, в то время как мы живем в мыслях об их счастье.

Мы в понимании подростков — почти идиоты по отношении к их жизнедействиям и образу мыслей, обратных нашим. И слава Богу, что иногда «набирают» нам (звонят), и почти не орут, когда объясняют. Но когда мы в ауте, именно они, такие нескладные и не подходящие под стереотипы наших соотечественников из далекого прошлого, приходят повыть над нами и доисторически,

(хорошо, что без бубнов), обнажают свои чувства. Даже бывает, что на похоронах близкого родственника они в истерике лезут в могилу, шокируя присутствующих. Это желание возникает у них от внутренней необходимости оставаться с умершим близким, оказывающим при жизни финансовое содержание молодому мздоимцу. Приходит прозрение в своем грехе: не успели пожалеть, оказать помощь, поздравить с Днем рождения, высказать слова любви. Подсознательно это происходит от страха жизни: они не готовы к проблемам и трудностям, и решают спрятаться в могилу. По русской традиции спасает мощный удар кулаком в глаз, так как люди, если их не хотят понимать, вынуждены принимать крайние меры.

В момент кризиса мы нарываемся на такие же грабли, только не знаем этого. То есть, они — это мы в тот момент, когда они у нас получились такими, какими предстают перед нами, а нам послал их Всевышний. Это его подарок, а подарки принимают с ответной благодарностью. Наша благодарность Богу в том, чтобы хорошо выучить ребенка, дать интеллекту развитие, не только кормежку.

Мы о детях мечтали долгие годы, прежде чем они появлялись у нас, а было время, и родителей своих спрашивали, можно ли родить. Мы — это те, кто спрашивал, или те, кто с другим подходом, и дружит с современными установками?..

Новенькие, эти, у которых «все реально» — несут, уже родив, а эти, которые родились менее 20-ти лет назад, предоставляют ограниченное право владеть информацией об их жизни. Они другие. Мы с ними всегда, а думаем, что на час. Взрослые чаще нуждаются больше в детях, чем они в нас.

Секта стяжателей

Встречаются в жизни такие толстокожие хорьки с очень сильно засаленными порами, сквозь которые обычным людям поступают сигналы из внешнего мира: самые разные сигналы от знака собственного спасения, обогащения, угрозы, заинтересованности личностью, карманом субъекта и т. д. до просьбы о помощи. Засаленный хорек никогда не услышит такие звуки,

так как пропускные способности его организма не позволят ему услышать больше, чем он захочет. Его ограничители надежно срабатывают в момент поступления звука сигнала извне. Внутренние рычаги взаимодействий с миром у хорьков заедают при поступлении тонкой волны внешних звуков, и поэтому хорьки способны думать и действовать исключительно от собственного подкожного жира, блокирующего все полезные для взаимодействий с внешним миром эмоции. Эту прогрессивную сверх — параллель хорьки именуют личным временем.

Такими хорьками могут быть кто угодно, как правило, располагающиеся рядом и располагающие временем для распознавания планов на жизнь жертвы хорька. Этих салопроизводителей следует опасаться, — они сверхпроворны и проницательны, им ничего не стоит обнюхать жертву, пустить слюну и запрограммировать зону действия на собственную победу.

Так вот, жил Хорек Петя, весел был и пьян, была при нём куча мусора, как у всех хорьков, и приличная жертва Груся. Звали ее Грусей, потому что была она слишком грустная и слезоохотливая, устраивала Хорьку слезные вечеринки, на которых он отплясывал редку — еньку от счастья. Счастье Хорька состояло в том, что старался не зря его лазерный прицел отъема жизненных ценностей, и что впредь он станет еще жирнее благодаря своей проницательности и толстому слою любимого жира, накопленного впрок на всю его хорьковую жизнь.

Жертва Груся требовалась Хорьку для отработки полученных навыков пограблений от физического до финансового. Груся не могла отказать Хорьку, устроителю ее жизни и организатору ее хлипкого счастьица, в которое она куталась, несчастная и обезволенная сильным мира сего Хорьком Петей.

— Уж ты меня не забудь, Петюша, — как бы жалуясь на жизнь, причитала Груся, хотя закрома ее души и домика ее ветхого полны были петькиными хорьковыми выкладками: шерстью, начесанной от переизбытка грусиной любви, выраженной в усиленном питании и подробном чесании всех любимых мест хорька от ушей до пяток. А также постоянных складов в разных местах дома полунужных вещей, которые могут вдруг пригодиться в будущем немолодой семье жертвы и ее повелителя.

— Бедная, наибеднейшая Груся, как ты стареешь на глазах своего упитанного Хорька! Выпадают зубы твои белейшие, воспетые Петей во всю сытую харю лыбящимся твоей старости и немощи, покидают тебя волосы твои шелковистые в прошлом, в юности Хорька. Бывало, отрадно собирался Хорь по местам «боевой славы» — отметить свое присутствие у бывших его жертв, прилизывал свой ушастый череп, за уши заглаживал реденький ворс шкуры своей крепкой, ноской. Хотелось однажды Грусе плюнуть в харю его лоснящуюся, но харя и хорек — понятия хоть и совместимые, но не увлажняемые слюной, потому как скатывается влага с жира, а жир пропитывает все существо Хорька Пети, умащенного советами родственников, всего млекопитающего отряда хорей необыкновенных.

Родственники хорька живут вольготно, действуют, как секта неистовых стяжателей: требуют, как от джина, исполняющего желания, от Пети своего необыкновенного новых приношений к ногам Бога хорьков Хоря Первого, Неистового. Чем больше помогаешь, тем больше требуют. Жить не дают. Хотел Петя жениться однажды, так из процесса устроили всемирный скандал с прессой и видеоклипами, до сих пор выкладываемыми в библиотеке хорьковой нравственности. А завязка у свадьбы такова оказалась, что вездессущая мама, гладкошерстная и далёкая, аж в Африке ее знают и всех близрасположенных континентах, заранее подумала о счастье дочери ее Улыбы, и договорилась с другом Хорьком Петей, чтоб он помог ей поступить в университет. Всё было сделано для ребенка ненаглядного, Улыбы, а этот ребенок учиться не хотел, лень было, да и бабка вездессущей мамы не помогала: не учи ничего, говорила, а то голова болеть будет. Свою голову она обвязывала накрепко листьями лопухов и поверх лопухов обматывала плотной африканской тканью, чтоб не дай Бог хорек Хоря Первый Неистовый, не просочилась сквозь щель или отверстие мысль чужеземная и особо жиросжигающая. Тупость непроходимая всегда ищет причину извне: по ее мнению, жир копится в голове в первую оче-

редь, а потом уже в противоположном нижнем и мягком месте. Хотя у хорьков все места, кроме хвоста, исключительно мягкие и даже в цветных очках цветные. Такого прогресса достигли хорьки в мире помоешных Гималаев, — гор для зимнего скалолазания и лыжных гонок! Куда уж тут Грусе с ее антиулыбочным экстрактом слез проливных! С гор недолго соскользнуть и уехать в Лету прямо в лыжах, в реку Забвения.

Самой любимой родственницей Хорька Пети всегда значилась жена Бога хорька Хори Первого Неистового Богиня Жировых Отложений Плюся. Уж как она сверлила уши советами, — любая дрель — просто тупой гвоздик по сравнению с пилотехникой Плюси.

— Петюша, сын мой единоверный, — обращалась Богиня ЖО (Жировых Отложений) Плюся к Хорьку Пете

ветреным снежным вечером в уютной и теплой норе. — А как антиулыбочный экскракт грусиных слез проливных, — не стух? — вопрошала Она с крепкой печи, стоящей на плечах мелких хоревидных, выросших сталактитами подслушивателей светских бесед в темной великосветской камере смертников, Богов жировых отложений века хорьков и негодяев.

— Не стух, маменька, — ответствовал Хорек Петя, — не стух и не экскракт, а экстракт! — торжественно объявлял сын, важничая и поводя торсом по — спортсменски, будто на фотосессии бодибилдинга.

— А разница какая, — вопрошала Богиня с ложа, стоящего на сталактитах главных подслушивателей светских бесед в темной великосветской камере смертников Богов жировых отложений века хорьков и негодяев.

— А такая, что экстракт — это концентрированная смесь, а экскракт — это то, что в эск — горшке для ночных бдений младших хоречков.

Так долгими зимними вечерами излагали друг другу хорьки постулаты ценностей их хорькового царства. А сталактиты всё записывали и транслировали мгновенно по всей округе, и даже на другие планеты пролетали по инерции вести с новостных полей, упитывающие сирый мозг нации хорьков, участвующих в производстве жира обыкновенного, межизвилинного, создающего комфорт для жертв и повелителей.

Мир начинался салютом

Когда пришла доктору Ужепрошло мысль не делать из людей чебурашек, он славненько потрудился над изобретением фруктобана для всей семьи, и получил нобелевскую премию. Сначала он ругался пред фармацией, распределившейся вдоль плитнусов и наделавшей в штаны от страха и почтения во время выполнения по его рецептам чебурашек. Одновременно он божился, что наденет всем памперсы вместо панамок, а питаться они будут только бешеными огурцами не то с грядок, не то с клумб. Фармация держалась стойко, иногда кряхтела над пробирками, смотря в микроскопы с лазерными прицелами. По истечении срока давности мечты, мечта сама превращается в реальность, так и Ужепрошло превратил в явь голубую мечту его бабушки: очки, усиливающие микроциркуляцию мозга и всех прилегающих к нему частей, собранных матерью-природой воедино, в один кожаный пакет.

Пошли заказы. Первым на довоплощение мечты в реальность и созданием фармакологического цеха по изготовлению фруктобанов и волшебных очков откликнулся директор консервной фабрики Ананас Последний. Он заказал пятнадцать очков, и доктор Ужепрошло мгновенно защитил нобелевскую премию и построил на все деньги дополнительную фабрику очковтирательства. Дело в том, что волшебные очки, усиливая микроциркуляцию крови мозга, усиливали еще и объем всех жидкостей, выделяемых организмом, втирая стекла сразу в мозги, чтоб дальше провиделось. Приходилось пользоваться множеством банок и склянок. И вот все банки со склянками улетали по косметическим компаниям, создавая денежный шелест в обмен на валюту. Получался листопад.

Удивительная проницательность пациентов доктора Ужепрошло сказалась на Всемирном Конгрессе Медиков имени Парацельса, где склеились все очки в один большой микроскоп под давлением негрузоподъемного Ужепрошло, случайно присевшего в задумчивости на свое изобретение, когда медсестра Медуница Единственная сделала интересное предложение доктору собрать все очки в подзорную трубу. Ужепрошло мгновенно исполнил пожелание Единственной Медуницы среди многообразных горицветов. Вначале он даже не понял, как быстро сам же всё и сделал: в момент сплющиваниявсехочковводин космический прибор произошло нагревание и склеивание линз. Микроциркуляция мозга таким образом усиливалась у всех испытуемых добровольцев, не сдавших ЕГЭ, так что после приложения к микроскопу, все они сразу защищали диссертации.

Пока доктор Ужепрошло раскланивался перед нобелевским комитетом, вновь защитившие свои диссеры начинали писать по второму диссеру, и когда бравурные марши подходили к концу, в очередь на защиту нобелевок стояли все испытуемые прибором Ужепрошло.

Разросся нобелевский комитет так, что кремлю негде стало воевать, а то приборы разные вновь изобретенные поставить негде оказалось, пришлось войны заканчивать и начинать мир.

Мир начинался салютом.

Разбитая склянка

Были эти великосветские именины, где племенная знать упражнялась в памятных речах, запивая восторги виновника торжества словами умиления. Весь кавардак кавалергардов с букетами, вытолкнутых мудрыми мамашами из дверей, да так, чтобы не передумали, как ленивых женихов послали свататься на праздник лжи и засранства.

Старый мухомор Федя Шапочник прошляпил невесту, и восседал на именинах среди салфеток треугольниками, салатов, тарталеток… Завороженный и семикрылый, сидел Федя и стряхивал пепел в свою шапку — не шапку, но на голове носил.

Вокруг порхали чижиками — пыжиками официанты, и их помощники. День был не то чтобы вялым, но несуразным. Начался он с карканья вороны, слышимое из окна, затем мадам Коржева, консьержка, принюхивалась к нему в парадной. Потом в библиотеке, будто случайно, наступила на ногу девушка, выронив свой блокнот со смайликами, и сама улыбнулась, извиняясь лицом смайлика.

«Это вы меня извините», — вежливо ответил Шапочник, и растворился в нафталинной пыли ученой толпы.

А вот вечером, когда Федя вышел из блестящего авто маменьки и очутился не дома, а по случаю собственных именин в ресторане, где под фанфары трубили поздравления голосом с гайморитом приглашенные маменькой чины, его разморило сильно. Словно пятьдесят лет каторжных трудов науки легли свиной тушей на плечи и загорали, пока осень не задождила, задолжав пару слезинок. И Федя решил стряхнуть груз прошлого, и пОшло раскланялся вдруг перед дамой. Изображая сиюминутную влюбленность, жених сбрызнул слезой свой рассказ перед дамой о своем светлом детстве, о катаниях в лодке и кумысе для поднятия иммунитета. Конское молоко приносила с базара няня, а ей наказывала маменька, закалывая ужасные волосы на темечке, будто так было хоть сколько — нибудь красивее. Дама устала зевать и вышла из игры, — слушать пьяный бред старого негодяя и маменькиного сынка не было сил и терпения.

— Мы вообще чего тут сидим? — заторопила бубновая дама Федю Шляпника, будто от ее слов он был способен на подвиг.

— А мы не сидим, мы летим, — осенило Шляпника под грохот стула, который дама не успела поддержать, убегая из — за стола, к которому уже бежал официант. В беге раскрасневшись, официант отсчитывал в уме свои чаевые плюс вознаграждение учреждению за приятный вечер, как вдруг на горизонте возникла дама треф. С усилием потирая свой затылок, будто ему

на плечи уже взгромоздилась бубновая дама с выводком младенцев, рожденных от него, Федя Шляпник стал искать на столе заливную рыбу, чтобы было, чем ото-

мстить официанту за бегство бубновой дамы и эту наглую кариесную щель дамы треф, оскаленную на него.

Обозвав форшмак заливной рыбой, Федя получил ботинком в нос от шеф — повара, вломясь в закулисье с кипящими кастрюлями и шипящими сковородками, минуя охрану. Мускулистый охранник работал вышибалой, зная правила содержания заведения и всех его посетителей, но на этот раз сплоховал, беседуя по сотовому тс — тс… Мелкий бес дергал все же Федю за ворот, отчего он суетно и нервно расчесывал шею под воротником рубашки.

— У вас аллергия? — услышал он приятный голос за спиной.

— Вы — видЕние? — состроил Федя гримасу, выбрасывая маминого любимого таракана из под воротника пиджака.

— Ой, я боюсь тараканов! — завопила что есть мочи червовая дама.

Она не была похожа на тетеньку боевого рабочего подполья, что есть мочи трудящуюся за денежным станком олигархического феодализма, сгорбленно волочащую себе домой в свой единственный на неделе выходной новый телевизор из М — видео. Такая тетенька несёт свой родной, только что купленный телевизор, по — особенному: схватив, как щенка за холку, драноватый пакет, в который вложен сей предмет в интеллектуально развитой стране: руки чуть даже присогнуты в локтях, будто она сейчас в футбольных воротах бдит, — сторожит их, чтобы не пропустить гол. Спина тоже согнута, а лопатки сведены, так что плечи лихо откинуты назад, но вся ее фигура при ходьбе усердно наклоняется вперед. И вот с такой типичной походкой вОрона на местном «поле Куликовом», по которому прошли добры молодцы из приличной забегаловки аж с книгами и сухими букетами, чешет баба вдоль улицы мимо распахнутых дверей соблазнительных магазинов. Чешет лихо так, сведя лопатки, растопырив локти и держа в руках чудо техники, схватив пакет за его загривок. Не повезло с мужем, который чинно нёс бы купленный телевизор. Сэкономив на муже и экспресс — доставке, хорошо идти, целеустремленно глядя вдаль, машинально выбирая из прохожих возможных знакомых. Бабье лето. Манящий хмель угасающего солнца. Бестрепетный хам за столиком в ресторане пытается закадрить даму, а она его — просто развести на деловые. Хамство времени. Обалденные глаза с объемной тушью.

«Нет, это блажь!», — вскрикивает совесть, безудержно давая советы на пути к раю. Как она невообразимо абсурдна, стоит узнать, рассмотрев повнимательнее ее кадрили с людьми. Далее — почти свадебные похороны огорчившейся родни, хамелеон в спальне и на кухне, в комнате — этот самый телевизор, и ностальгическое желание оказаться в ранней юности на пороге выбора.

И всего — то два года прошло или три…

Кому нравится имидж скотины, делает специально так, чтобы обиженные им люди еще раз ему произнесли его призвание. Он отодвигает намеченные планы все дальше и дальше, а реальность он облекает в неосуществленные мечтания, любовь — в страдания. Скотина превращает заслуженное счастье в отодвигаемый край, с которого это счастье просто разобьется, как склянка. Червовая дама ждала мужа с работы, но пришел скот, перевернул весь бисер наизнанку, предъявил несуществующие права на нее, нагадил в душу. Затем пришел муж, но чувство театральной сцены изменило еще в прошлый раз, когда она назвала его именем скота.

«Сейчас убьет…», — подумала червовая дама, и приготовилась к худшему.

Изгаженная душа требовала отмывки, и она говорила не то, что хотела сказать, если бы не была изгажена ненавистным скотом. Он срежиссировал ее размолвку с мужем, внушив страх за вынужденное предательство, скот же не получил право на даму червей, ее согласие. Уверенной поступью он шел к ее дому, заранее зная, что сейчас будет. Холодная рука его скользнула

рыбой в сердце, выпотрошило его, и заставило видеть сердечные мучения со стороны. Скот наслаждался властью и отобранным у ее мужа правом владеть ею.

«Надо бить в рыло с размаха только лишь при его приближении», — подумала червовая дама, когда было уже совсем поздно. Никто не догадывался, что в том была ее прерогатива. Никаких пустых реплик и вопросов: в рыло, и чтоб не слышать его скрежета. Она даже посоветовала такой исход подруге, но легко советовать, и трудно выполнить мечтания остервенелой тетки в схватке с тщеславием и обиженным сердцем.

На улице у подъезда стойкий аромат оповещал о страшном: разгневанный и оскорбленный муж с размаха разбил самые лучшие духи о стенку. В знак того, что эти духи, которые он хотел подарить ей, своей законной супруге, никогда уже не станут ее, лежали эти красивые стекляшечки во французском дыме иллюзий на русской почве.

Цирковой обряд

Жизнь, подлая служанка Хроноса, ты обкрадываешь людей, когда твой господин готовится совершить свой обряд над твоими детьми…

Ты отнимаешь любовь, охладив сердце тягучими морозными вечерами в их скучных квартирах с тупыми телевизионными рекламами. Подло изымаешь из памяти близких людей картинки бытия, когда твои возлюбленные дети видели молодость их родителей незрелыми взглядами младенцев, а спустя два десятка лет взыскательными взглядами мучеников, каторжников, обеспечивающих мировой прогресс в моровой дыре.

Жизнь, ты увечишь своим благоволением дать много, и берут в несколько раз больше по привычке брать, а ты тем временем ищешь новые жертвы. Найдешь, и возвращаешься за старыми довершить свой издевательский смертельный обряд. Ты оставишь без зубов и без волос жертв твоих цирковых выкрутас, размягчишь их кости и мозг.

Какими они предстанут перед Господом? Со скрюченными спинами, лысыми, хромыми и слепыми, с жутким тремором и с клюшками, которыми не сыграешь в хоккей. Ты смеешься над людьми, жизнь, ты выкорчевываешь их интересы в угоду твоим издевательствам.

Ты смеешься над тем, как твои жертвы голыми деснами скребут по пище, которую не в силах разжевать после твоих обрядов, а в унитаз при потугах роняют свою печень.

Жизнь, твои нововведения оборачиваются ликом смерти к соглядатаям процесса твоих преобразований. Когда возлюбленная фокусника становится глубокой старухой, а сам он со слезами сознает свое бессилие совершить свою работу волшебника, ты, жизнь, надсмехаешься, посылая за умельцами поставить вопрос ребром, отменяя тебя, волшебник. Ты не отнимаешь реквизит, а просто даешь понять жертве его бессилие, а когда он признает себя пораженным, открываешь перед ним сосунка — неумеху, и тот, будущий козырь в твоей молотилке, корчится каверзной улыбкой, съезжая по стенке позора.

Некий цирковой обряд с человечеством совершая, властители прогресса ставят на попа трибуны политиков, вынося их вместе с говорильными постаментами и заменяя их площадками для шоу.

Вы любили? Ты жила, слыша голос его рядом, ощущая его дыхание? Искрилась диким счастьем обретения его пульса рядом со своим? Он хвалился друзьям своей победой над тобой, ты же стала его личной победой, ты ждешь, когда он вернется домой. Он тоже ждал ваших встреч поначалу, а потом приелось всё: твои повадки его соблазнить, незатейливые и добрые уловки любящей женщины. Разлюби монстра, он подделает тебя под прежнюю, вынув из тебя всё, что питало тебя изнутри: любовь твоих родителей и бабушки с дедом. Пока в тебе живет их любовь, ты защищена от всего плохого, даже если их уже нет на свете. Любовь вечна, когда ее не предают. Он же предал тебя, ты была его педалью для утех, а теперь его сын слегка по — иному нагадил другой девчонке. Ты понимаешь этот поступок как печать его высочества: наградить ребенком и исчезнуть. Это не печать, это твое тавро: будешь кобылой носиться по

врачам и соцзащитникам, кабинетам и холлам, чтобы прокормить его молекулы, размножающиеся и лезущие в твое личное пространство, требующие полностью воссесть на твоем личном пространстве для жизни, воцариться и сделать рабыней его интересов тебя. Он выбрал твою мягкотелость целью для обмана тебя. Этот монстр оповестил тебя в том, что у его сына родился ребенок, и ты должна памяти вашей любви юности, — заботиться о нём, брошенным папой существе. Верх наглости и самообмана мумии любви. А он считает это современными отношениями. Он пополнит гамбургский счет своих интересов, съездит в отпуск зимой на заграничный курорт, пока ты паришься над задачами твоего бытия с добавленными от него тебе в целом его задачами, не нужными ему самому. Это как выбросить на помойку переставший служить пылесос. Нет, чтобы разгрузить тебя, так монстр всегда готов завалить своими кучами готовых для тебя проблем. А ты что, ушла на пенсию по недостатку ума? Решать его проблемы своим временем?! Борись за право человеческого существования! Вассал готов расположиться на твоей спине и стегать тебя плетками исподтишка, убеждая тебя в том, что это массаж спины. Он готов лихо попить твоей крови, и пересесть на другой объект для дальнейшего обогащения рабским твоим существованием, и снова похвалится перед соратниками по угнетению. А что будет с тобой после ограбления тебя здоровьем, его не касается. Он — «сын любимый родной природы». Ему всё можно, даже тебя убить морально и выкинуть за забор его интересов.

Жить не нравится в непривычном обществе с очень сильно меняющимся наклоном в сторону, не приемлемую ранее. С народом голодный шок от сообщений о повышении стоимости коммунальных услуг, а он о тигренке, родившимся в зоопарке и помощи родильнице — тигрице. Большая часть в это время смотрящих телевизор сглатывает голодную слюну и с трепетом пустой надежды мечтает о том, что хоть кусочек счастья получит в виде пособия по бедности, и в сокровенном уголке души мечтает о хоть крохотном уголке в клетке с бесплатной арендой места. Кто — то боролся за свободу?..

Жизнь в новом обществе бабкам не нравилась. Не совпадали они своим нутром с нормами, противоречащими морали. Социальные институты утомились решать задачи молодых, стоящие противовесом задачам бывалых. Бывалыми в новом обществе называли бабусенций почти под сто лет. До ста доживали только те, кто не лез советами в жизнь молодых. Кто лез, напрочь лезвиями вопящих голосов порезался о защитные вопли из соседних комнат:

— Засунь свои советы обратно…

Далее шло определение и существительное, но данное определение своей эмоциональной экспрессивностью уже подготавливало к самому страшному для слуха «мирных граждан», ублажённых поездом счастья позапрошлой страны. В этом поезде ехали в рай, а попали в ад, где Дуримар жарил на сковородках своих подданных из сачков для ловли пиявок.

— Дайте дожить…, — раздавался слабый, иногда слегка возмущенный голос.

— Не дадим, самим жить негде, — оскаливались и без высшего умные хапули — сынули, не уступая в скорости прогрессивной мысли кочурам — дочурам. Кочующим от одного хахаля к другому, лишь бы только не оставаться наедине с отжившей свой век родимой разжиревшей доброй бабулей в виде холодильной тумбы, дающей еду.

Если хахали вовремя растворялись в толпе, деваться было некуда, приходилось возвращаться на круги своя и колесить чуть ли не на роликовом тренажерном велосипеде перед отжившими ум пережитками прошлого. Жалость к ним отмирала, подобно хвостам ящериц, или отдавленным щупальцам, протыкающим сердце насквозь, когда они давили на психику своими советами, актуальными два века назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.